

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ

УДК 903.2(57)

DOI: 10.17223/19988613/55/18

А.А. Казаков

О ГРАНИЦЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННО-МЕНТАЛЬНЫХ ЗОН В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

На основании археологических источников сформулирована гипотеза о существовании на Евразийском континенте двух мультикультурных суперрегионов – Европы и Азии, внутри которых преимущественно и осуществлялись культурные контакты, приводящие к культурногенетическим процессам, в результате чего появлялись новые археологические культуры. Основываясь на одном из материальных комплексов эпохи великого переселения народов, представляющем культуру гуннов, очерчены регионы влияния европейских и азиатских гуннов, определена культурологическая граница между Европой и Азией во второй половине IV – первой половине V в., выделены погребально-поминальные комплексы азиатских гуннов на территории Западной Сибири, их признаки, намечены границы миграционного коридора и направление культурных связей.

Ключевые слова: гунны; ареал распространения; раннее Средневековье; культурогенез; Европа; Азия.

Одним из ключевых вопросов практически всех археологических исследований является изучение проблем культурогенеза – зарождения, развития (эволюции), исчезновения или трансформации различных археологических культур. Среди множества факторов, способствующих началу культурногенетических процессов, основным, пожалуй, является инокультурное влияние на местное аборигенное население, восприятие им культурных образцов, которые трансформируют главные культурообразующие признаки воспринимающей культуры, изменяя ее облик. Выявление культурных инноваций и является одной из главных задач археологии. Наряду с их выявлением необходимо еще и понять, кому эти инновации принадлежат, какая археологическая культура является их носителем, т.е. определить направления культурных связей.

Задача отождествления выявленных культурных инноваций с конкретными археологическими культурами является достаточно сложной. Начиная с эпохи Средневековья она усложняется, так как в этот период, благодаря развитым средствам коммуникации и другим факторам, процессы взаимообмена различными культурными традициями упрощаются, инвентарный комплекс унифицируется, и схожие типы изделий распространяются на широких территориях, что затрудняет определение их принадлежности к конкретным археологическим культурам [1. С. 7].

Кроме того, на последних, поздних этапах раннего железного века формируются достаточно крупные культурно-исторические общности, определяющие культурный облик огромных регионов. Для территории Западной Сибири такой культурно-исторической общностью является кулайская [2, 3], послужившая основой для формирования археологических культур эпохи раннего Средневековья, что также сближает их основные

культурообразующие признаки [4]. Подобная культурная унификация позволила некоторым исследователям высказать точку зрения об отказе от употребления понятия «археологическая культура» и замене его более широким понятием «этнокультурной общности» [5], что не получило поддержки подавляющего большинства специалистов.

Сложности с идентификацией культурных инноваций, их отождествлением с конкретными археологическими культурами привели к тенденции указывать не конкретного носителя культурной инновации, а направление культурных связей. Это достаточно обоснованное положение, так как указанная тенденция унификации инвентарного комплекса, сближение культур позволяют найти следы выделенной инновации у нескольких археологических культур единого культурно-исторического региона, и в этом случае направление культурных связей будет достаточно объективно указывать культурный субстрат-донор, у которого данная инновация заимствована.

Работа с материалами лесостепного Алтая первого тысячелетия позволила выделить один очень интересный материальный комплекс, позволивший включить культуры эпохи раннего Средневековья как лесостепного Алтая (прежде всего), так и Западной Сибири в целом в контекст мировой истории, рассматривать их не отдельно от бурных исторических процессов, происходящих в районах Средиземноморья и Туркестана, а как их неотъемлемую составную часть. Этот же комплекс позволяет говорить о преимущественно юго-западном и западном направлениях культурных контактов населения лесостепного Алтая и юга Западной Сибири в эпоху великого переселения народов (вторая половина IV – первая половина V в.). Это комплекс полихромных изделий гуннского типа, носителем которых являются

легендарные гунны. Кроме самих полихромных изделий о гуннской принадлежности мощнейшего культурного импульса эпохи раннего Средневековья, способствующего изменению культурного облика населения лесостепного Алтая, а затем и всей Западной Сибири [4], говорят и другие культуродиагностирующие признаки, о которых речь пойдет ниже.

Первые изделия полихромного стиля на территории лесостепного Алтая были найдены Алексеем Павловичем Уманским при исследовании «княжеского» захоронения близ с. Тугозвонovo на р. Чарыш в 1959 г. и опубликованы почти 20 лет спустя, лишь в 1978 [6]. В это же время А.П. Уманским была выдвинута гипотеза о Тугозвоновском погребении как наиболее восточном пункте распространения полихромных изделий, однако в силу ряда обстоятельств она не получила должного осмысления среди специалистов [7. С. 83]. В настоящее время на территории Западной Сибири и Туркестана известно 10 пунктов находок изделий полихромного стиля гуннского типа, маркирующих восточную границу их распространения. Основываясь на работах И.П. Засецкой и А.К. Амброза можно говорить, что весь комплекс полихрома подразделяется на два основных типа [7].

А.К. Амброзом дано объяснение этому явлению, суть которого заключается в том, «что перед нами следы двух одинаково могущественных объединений: одного – с центром на Дунае и границами от Венгрии и Польши до Волги, другого – с центром где-то в Азии и границами от устьев Дуная до Киргизии и, может быть, Алтая» [8. С. 66]. И.П. Засецкая также подтверждает существование двух основных групп, но объясняет это гендерными особенностями, не исключая и других вариантов (различная хронология или этнокультурная принадлежность) [9. С. 69].

Учитывая, что одни и те же вещи датируются этими исследователями по-разному, признаем, что вопросы хронологии полихрома пока остаются достаточно спорными и далекими от разрешения. Автор склоняется к достаточно узким хронологическим границам их широкого бытования, а именно во второй половине IV – первой половине V в. с возможностью появления наиболее ранних изделий на рубеже III–IV вв. и доживания наиболее поздних до рубежа V–VI вв.

Мы же остановимся на достаточно обоснованном положении, что в интересующий нас хронологический отрезок бытования изделий полихромного стиля, встречаемых в рассматриваемых погребениях, существовало два могущественных объединения, локализованных в различных географических регионах. Их основу составляли родственные этнокультурные образования гуннского круга. Вслед за другими исследователями будем называть их европейскими гуннами и азиатскими гуннами.

Даже при беглом знакомстве с рассматриваемыми изделиями полихромного стиля, маркирующими границу их восточного распространения, совершенно очевидно, что они относятся к 3-му типу по типологии А.К. Амброза и к подгруппе «В», 1-й стилистической

группе И.П. Засецкой, а следовательно, маркируют зону влияния представителей азиатских гуннов «с центром где-то в Азии и границами от устьев Дуная до Киргизии и, может быть, Алтая» [8. С. 66], по гениальному предположению А.К. Амброза.

Несмотря на то, что гуннской проблематике посвящено большое количество работ, «эпоха великого переселения народов» вызывает живейший интерес огромного количества исследователей, приближение к истине пока еще далеко. Пытаясь разобраться в крайне мозаичной картине различных точек зрения на эту проблему, становится понятным, что это задача отдельного крупного фундаментального исследования, на которое необходимо потратить не один год и даже не одно десятилетие. Для нас в настоящее время важна концептуальная основа гуннологии – кто же такие гунны и какова их этническая, культурная и языковая принадлежность?

Основу современной гуннологии представляют работы Н.Н. Крадина и С.Г. Боталова. К сожалению, их концепции сильно различаются, и пока не видно позиций, в которых их точки зрения были бы схожими. Исходя из того, что истина не может быть субъективной, и если к одному результату независимо не пришли хотя бы двое крупных ученых, полемизирующих между собой, можно констатировать вслед за Н.Н. Крадиным, что, несмотря на значительные достижения в изучении как хунну, так и гуннов, пока еще далек от разрешения один из основных вопросов истории великого переселения народов, а именно – кто такие гунны и откуда они взялись? Ряд исследователей ведет их историю от хунну монгольских степей, однако до сих пор нет ни одной специальной археологической работы, которая бы показала реальное сходство археологических памятников хунну и гуннов. По меткому замечанию Н.Н. Крадина, «если бы это было так просто, то это уже давно было бы сделано» [10. С. 23].

Краткий, емкий и достаточно полный историографический обзор хуннской проблематики, проведенный Н.Н. Крадиным, позволил выделить две основные культурные хуннские провинции – северных и южных хунну. Причем «для памятников южных хунну не характерны единство погребального обряда и присутствие типичных для данной культуры предметов инвентаря». Исследований, посвященных культуре южных хунну, крайне мало [Там же. С. 15]. Устоявшейся является еще одна точка зрения, крайне важная в решении сложнейшего вопроса об этнокультурной принадлежности, – хунну были полиэтнической и многоязычной кочевой империей [Там же. С. 22].

Таким образом, в настоящее время можно говорить о том, что пока не существует определенной, конкретной культурной, этнической, языковой или территориальной привязки, которую можно было бы однозначно идентифицировать с хунну и определить как центр, основу или ядро хуннского образования. Понятие «хунну» не является ни этнонимом, ни названием культуры, ни названием племенного союза. Это собирательное название

различных этнокультурных образований, имеющих сходства в менталитете и на этой основе составляющих единое целое, сплоченное в общее огромное культурно-историческое пространство, имеющее свои границы.

Иными словами, мы наблюдаем эпохальное ментальное единство, которое никоим образом не исключает и междоусобной вражды, и войн между различными этнокультурными образованиями, входящими в это единство, и не предполагает единого центра управления, централизованного союза или предгосударственного образования, хотя и не исключает племенных союзов и даже государственных образований в отношении некоторой части данного ментального единства.

Подобная картина не является редкостью для истории, скорее это определенная закономерность. Похожее явление мы наблюдаем в Древней Греции при полисной системе. Древние греки сознавали свое единство, свое отличие от варваров, однако единого, централизованного государства не имели. Полисы (города-государства) враждовали между собой, воевали друг с другом, что прекрасно описано Гомером, однако при внешней угрозе объединялись для отражения агрессии всех негреков-варваров. В этом случае мы также наблюдаем ментальное единство, осознание себя единой общностью, отличной от других, но состоящей из различных самостоятельных объединений, причем не всегда единоплеменных и единоплеменных. Наиболее близкой для нас является ситуация в Древней Руси периода феодальной раздробленности.

Аналогичную картину мы видим и в гуннской проблематике. С.Г. Боталов в одной из своих последних работ достаточно наглядно показал наличие двух достаточно крупных гуннских образований — гуннов европейских и гуннов азиатских [11]. Европейских гуннов он связывает с поздними сарматами [Там же. С. 45, 48], признавая дискуссионность своей точки зрения, которая разделяется далеко не всеми исследователями. Причем характеризуя компоненты, приведшие к подобной трансформации сарматов, С.Г. Боталов совершенно справедливо указывает на юго-восточное влияние. Интересным является и его замечание по поводу тюркского компонента в составе гуннского объединения, суть которого заключается в том, что «мы не склонны абсолютизировать тюркскую компоненту в составе гуннского объединения. По сути дела, данные имена отражают... восточные элементы... подобно восточным археологическим маркерам...» [Там же. С. 34].

Говоря о азиатских гуннах, С.Г. Боталов приходит к мнению, что «история азиатских гуннов неразрывно связана с раннетюркской, точнее, раннетелесской исторической фабулой» [Там же. С. 61].

Таким образом, выделение двух основных типов полихромных украшений И.П. Засецкой и ее вывод о восточном происхождении стиля перегородчатой инкрустации в полихроме, который «в памятниках степной полосы юга России большая редкость» [12. С. 19],

совпадение ее выводов с типологией А.К. Амброза, высказавшего положение о наличии двух могущественных объединений, локализованных в различных географических регионах, основу которых составляли родственные этнокультурные образования гуннского круга, подтверждаются исследованиями С.Г. Боталова, выводы которого основываются уже не только на анализе изделий полихромного стиля с привлечением небольшого объема сопутствующего им инвентаря, но и на анализе огромного комплекса археологических источников, накопленного в последнее время и достаточно хорошо документированного.

В связи с последними достижениями хунно- и гуннологии, итоговые положения которых кратко охарактеризованы выше, следует признать вслед за Н.Н. Крадиным и С.Г. Боталовым, что возможности нарративных источников в настоящее время исчерпаны и фабула исторических событий, в них изложенных и достаточно полно охарактеризованных И.П. Засецкой [12, 13], должна быть пересмотрена с учетом данных, полученных на основании более объективного археологического материала, анализ которого позволяет выделить два крупных ментальных образования — хунну и гуннов, внутри которых выделяются по две группы — северных и южных хунну и европейских и азиатских гуннов. Причем если культура северных хунну и европейских гуннов достаточно неплохо изучена в настоящее время, то с изучением южных хунну и азиатских гуннов дела обстоят значительно хуже.

Как уже говорилось ранее, происхождение гуннов от хунну — тезис, который ранее считался практически незыблемым — в настоящее время на археологическом материале пока никем не подтвержден, что вызывает обоснованные сомнения в его истинности. Некоторую ясность в этот вопрос может внести решение проблемы происхождения полихромного стиля, которая так же, как и многие другие, до сих пор остается открытой. Большинство авторов считают, что полихромный стиль является явлением синкретичным, вобравшим в себя элементы различных этнокультурных образований, и производство полихромных изделий было рассредоточено по различным мастерским [13. С. 75].

Центром сложения полихромного стиля считают восток полуострова Крым, а авторство отдают мастерам Боспорского царства. Связано это, вероятнее всего, с первыми массовыми находками полихрома на Госпитальной улице в г. Керчь в конце XIX в., массовость которых, впрочем, объясняется и другими причинами — соотношением некоторыми исследователями керченских склепов с захоронениями высшей боспорской знати, а может, даже и правителей Боспора [Там же. С. 72].

Основные элементы полихрома, определяющие его синкретичный характер, выделены И.П. Засецкой. В наиболее общем виде «это античные традиции, элементы сарматского искусства и новые веяния, отвечающие вкусам и запросам пришельцев-гуннов» [12. С. 7]. Более детально — полихромный стиль римской эпохи,

пришельцев-варваров, кочевников южнорусских степей гуннской эпохи [13. С. 75].

Если стилистическим особенностям полихромных изделий находят аналогии в различных достаточно крупных историко-культурных областях, совершенно справедливо указывая на синкретичность этого эпохального явления, то районы зарождения и привнесения в этот стиль техники перегородчатой инкрустации (клуазонне) пока определяются достаточно расплывчато и связываются с восточным влиянием [12. С. 25]. Более того, даже отрицается наличие подобной техники в мастерских европейских гуннов и находки изделий полихромного стиля, выполненных в технике перегородчатой инкрустации, связываются только с восточным импортом [13. С. 73].

По поводу синкретичности полихромного стиля следует признать, что, зародившись из элементов различных этнокультурных групп, он впитал в себя вкусы и эстетические предпочтения огромного количества населения большого региона, единая ментальность которого в эпоху великого переселения народов обусловлена многими причинами, среди которых можно выделить две основных.

Во первых, это объединение их в единое политическое образование – Римскую империю, что способствовало не только обмену материальными элементами культуры, фиксируемыми на археологических материалах, но и сложению государственной, имперской идеологии, впитавшей в себя элементы духовной культуры огромного количества различных этнокультурных групп, входящих в состав данной империи, а следовательно, и выработке на их основе единой глобальной концепции миропонимания, сближению мировоззренческих позиций. Причем это касается не только и даже не столько представителей европейских народов, у которых это ментальное единство уже существовало, а прежде всего философско-мифологических представлений представителей восточного средиземноморья и севера Африки, которых варварами назвать крайне сложно, учитывая, что именно на этих территориях и появились первые цивилизации – Месопотамская и Египетская. Можно с уверенностью утверждать, что уровень развития культуры этих регионов ни в коей мере не уступал, а в некоторых направлениях даже и превосходил уровень развития культуры метрополии – Рима.

В качестве наглядного примера взаимопроникновения и синтеза нового учения в духовной сфере можно привести возникновение христианства, которое впитало в себя элементы духовной культуры и запада, и востока, и северной Африки (Египта) [14; 15. С. 225–249]. Именно благодаря своему синкретичному характеру христианство получило столь широкое распространение, так как представители различных культур, различных ментальных типов находили в этом учении близкие им по духу элементы, что значительно облегчало восприятие данной мировой религии в огромном регионе.

Столь близкое единство способствовало и обмену технологическими приемами. Даже беглый просмотр ювелирных изделий как Древнего Египта, так и Египта позднего царства позволяет говорить, что они исполнены в технике перегородчатой инкрустации, причем эта техника является доминирующей. То есть, по мнению автора, техника перегородчатой инкрустации зародилась именно в Древнем Египте, затем, благодаря имперской политике Рима, способствующей созданию единого культурного пространства, распространилась и на запад. Не противоречат этому и данные, полученные И.А. Бажан и М.Б. Щукиным, разрабатывающими вопрос о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи великого переселения народов. По их мнению, истоки этого стиля лежат на востоке и связаны с династией сасанидов [16].

Во-вторых, благодаря развитым средствам коммуникации, единым историческим судьбам и тесным, порой далеко не мирным контактам «варварских» народов, приведших к сложению племенного союза, мощь которого привела к краху Римской империи, можно говорить еще об одной огромной культурно-исторической провинции с единой, «варварской» ментальностью, о единой, несмотря на некоторые различия, мультикультуре, ментальной зоне с доминированием элементов европейской культуры, что обусловлено римской завоевательной-объединительной политикой и варварской пассионарной активностью. Тесные контакты этих ментальных групп привели к сложению зоны единой европейской ментальности, границы которой постоянно меняются во времени и пространстве.

Таким образом, мы можем говорить о формировании в рассматриваемую эпоху основы современной идеологической парадигмы – философско-мировоззренческих систем Европы и Азии, которые накладывают своеобразный отпечаток и на элементы материальной культуры.

Анализ ареалов распространения различных стилистических групп изделий полихромного стиля, выделенных И.П. Засецкой и картографировавшей их [13. Карта], позволяет достаточно четко выделить внутри единого суперрегиона их распространения в эпоху великого переселения народов два ареала. Их границы маркируются распространением двух основных типов полихрома, которые, в свою очередь, позволяют говорить об определенном этнокультурном различии представителей европейских и азиатских гуннов.

Так, изделия первой стилистической группы распространены в восточном ареале (восточное побережье Черного моря, северное побережье Каспийского моря, Туркестан и Западная Сибирь) и контактной зоне (Крым, среднерусская возвышенность и западное побережье Черного моря, до правобережья Волги). Изделия варианта «А» 1-й стилистической группы встречены только восточнее левобережья Волги, достаточно хорошо маркируя зону влияния азиатских гуннов. Изделия 2-й стилистической группы характерны для территории Европы

(западнее Черного моря) и редко встречаются в контактной зоне. Изделия 3-й и 4-й стилистических групп являются универсальными и встречены на всей территории распространения изделий полихромного стиля гуннского типа, свидетельствуя о культурно-исторической близости и единой ментальности западных и восточных гуннов. Изделия же 5-й стилистической группы встречены только на территории Европы (западнее Черного моря) и не встречаются даже в контактной зоне. Наряду с изделиями варианта «А» 1-й стилистической группы они маркируют зону влияния европейских гуннов.

Благодаря единой ментальности, эти ареалы более «чисты» на периферии и имеют «зону культурной диффузии», в которой мирно сосуществуют представители как одной, так и другой ментальной группы. Наиболее

восточные памятники с изделиями полихромного стиля 1 стилистической группы (по И.П. Засецкой) оставили представители азиатских гуннов, принадлежащие к единой европейской мультикультуре (рис. 1).

Достаточно аморфно определившись с культурной принадлежностью рассматриваемых памятников (азиатские гунны), определив доминирование юго-западного и западного направлений культурных связей в эпоху великого переселения народов для крайней восточной периферии зоны европейской мультикультуры, являющихся основными в культурогенетических процессах на отдельных территориях, попытаемся выяснить, хотя бы в наиболее общих чертах, кто же такие эти азиатские гунны, восточную границу влияния которых мы наблюдаем на материалах рассматриваемых захоронений?

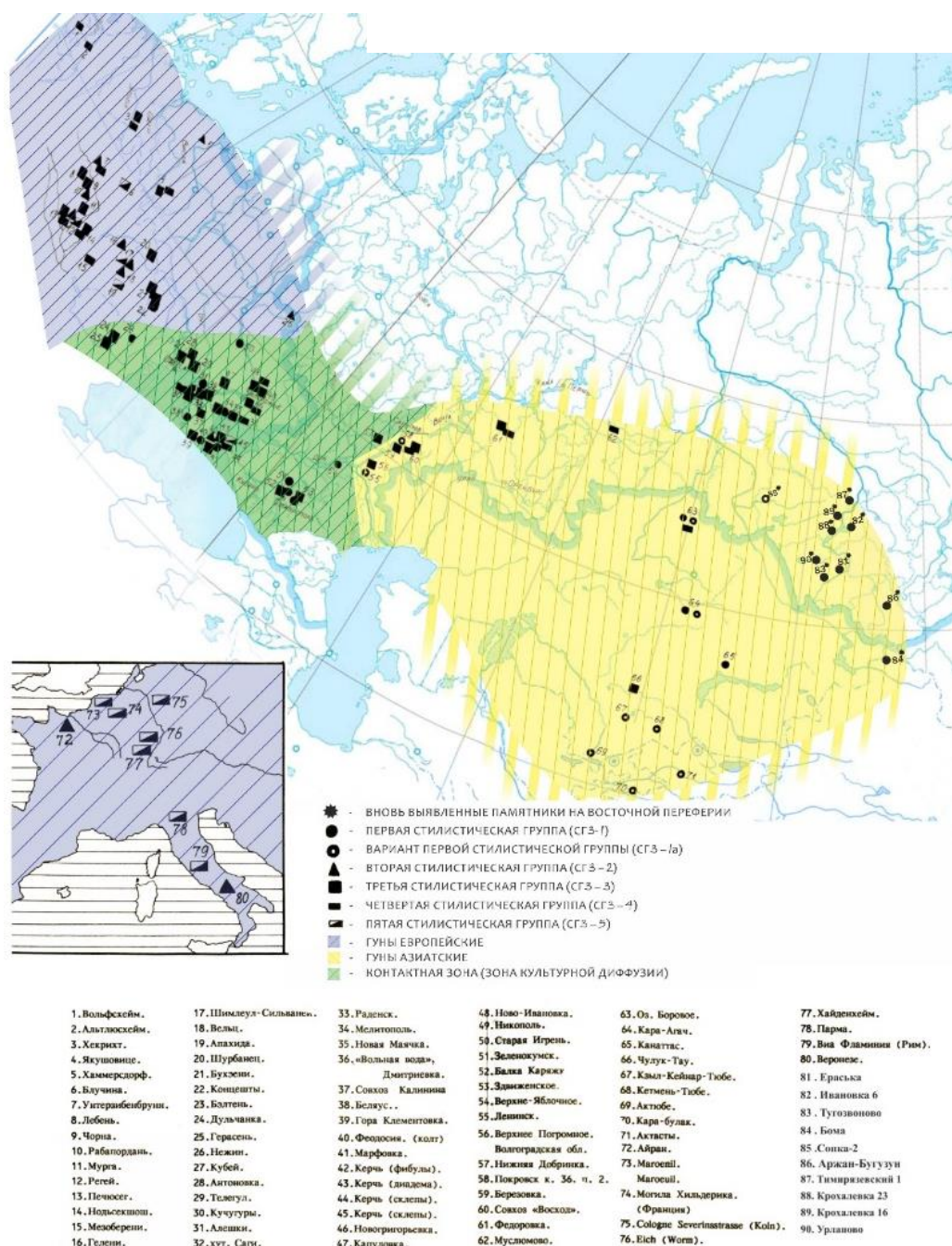

Рис. 1. Ареалы распространения изделий полихромного стиля различных стилистических групп (на основе [13])

Кроме изделий полихромного стиля, наметивших в общих чертах направление поиска (юго-запад–запад), в нашем распоряжении имеется еще один источник, который может пролить свет на этнокультурную принадлежность населения, оставившего интересные нас памятники, содержащие изделия полихромного стиля. Это погребальный обряд.

Рассматривая материалы гуннских погребений различных регионов, мы сталкиваемся с огромной вариативностью погребальной обрядности. Причем гунны, оставившие эти погребения, либо приспосабливались под погребальную обрядность населения различных регионов, либо, учитывая их полиэтничность, собираемость названия гуннов, могли быть представителями местного населения.

Это предположение подтверждается археологическим материалом, анализ которого привел А.К. Амброза к идентичному выводу для северокавказских погребений [8. С. 41], а И.П. Засецкую – в отношении погребений южнорусских степей, соотносимых с гуннами [13. С. 12]. Мы наблюдаем подобные тенденции и на памятниках восточной периферии распространения полихромного стиля. При внимательном рассмотрении поминально-погребальных комплексов восточной периферии, в инвентаре которых присутствуют изделия полихромного стиля, их можно разделить на две основные группы.

Первую составляют погребения, в которых изделия полихромного стиля органически вписываются в комплекс инвентаря, представлены комплексно, в составе законченного изделия, а не единичными экземплярами, и образуют целостное единство. Эти изделия не имеют признаков вторичного использования, переделки и приспособления для их крепления не в составе целого комплексного изделия и используются по своему прямому назначению. Кроме того, эти погребально-поминальные комплексы по своему обряду отличаются от массового, типичного для конкретной археологической культуры региона обряда захоронения, вычлняясь из него по ряду признаков. В то же время они объединяются рядом схожих признаков погребального обряда. К этим погребально-поминальным комплексам относятся Тугозвово, Ераська, Сопка 2 (погребение № 688), Аржан-Бугузун и Бома.

Интересно, что погребальный обряд этих погребально-поминальных комплексов зависит от региона их местонахождения и приближен к существующему в среде основной массы населения, проживающего в этих регионах.

Так, погребально-поминальные комплексы Тугозвово, Ераська и Сопка 2 (погребение № 688) локализованы в регионах кулайско-фоминского культурного единства и хронологически совпадают с раннеодиноцскими памятниками (памятниками сошниковской эпохи одиновской культуры). В погребально-поминальной обрядности их объединяет ориентация преимущественно в восточном направлении, одиночная ингумация, бескурганные захоронения в грунтовых

ямах. Несмотря на некоторые общие черты, эти комплексы выделяются из общей массы такими особенностями, как захоронения вне могильного поля (одиночные), богатство инвентаря, глубокие могильные ямы, отсутствие в погребениях и рядом с ними керамических сосудов.

Это позволяет рассматривать характеризующие погребения как близкокультурные, но в то же время и культурноинородные. Вероятнее всего, подобное положение объясняется не только этнокультурными отличиями, а прежде всего особой статусной принадлежностью погребенных. То же можно сказать и о погребально-поминальном комплексе Аржан-Бугузун. Будучи слабо знакомым с китайскими материалами, по отношению к погребально-поминальному комплексу Бома сделаю лишь подобное предположение.

Вторую группу составляют погребения, совершенные по типичному для региона погребальному обряду. Изделия полихромного стиля представлены в них единичными экземплярами. Кроме того, ряд изделий имеет признаки их переделки для вторичного использования, т.е. они не представляют собой органичного комплекса. К этим комплексам относятся погребение курганного могильника Ивановка-6, кургана 35 Тимирязевского курганного могильника-1, кургана 6 курганного могильника Крохалева 23 и могилы 2 кургана 1 курганного могильника Крохалева-16.

Подобное положение позволяет выдвинуть гипотезу о принадлежности погребений первой группы собственно гуннам, датировав ее достаточно узким временем, а вторую группу погребений отнести к типичным погребениям культур локального региона, подвергшихся гуннскому влиянию. Вторичное использование полихромных изделий в этих погребениях, изъятие их из единого комплекса не позволяют рассматривать эти находки как четкий хронологический маркер. В этом случае они схожи с нумизматическими находками, которые в погребально-поминальных комплексах ввиду их достаточно длительного хождения способны определять лишь нижнюю хронологическую границу, оставляя верхнюю открытой.

Более того, данные погребения следует датировать более поздним временем, чем погребения первой группы, не исключая возможности того, что эти памятники, на которых зафиксирован явно местный погребальный обряд с местным вещевым комплексом, из которого вычлняются только единичные изделия, выполненные в полихромном стиле, являются погребениями наиболее влиятельных представителей местного социума, облеченных властными полномочиями и принадлежавших к высшей страте.

О погребениях первой группы можно говорить, что они оставлены, вероятнее всего, пришельцами, воспринявшими особенности элитной погребальной обрядности, характерной для гуннского мира в целом, в инокультурной среде после долгого в ней проживания, либо достаточно тесного и постоянного взаимодействия. Об этом свидетельствуют в двух случаях антропологический тип

погребенных, не свойственный местному населению (Тугозвоново и № 688), и во всех трех случаях – особенности погребальной обрядности (глубокие ямы, в двух случаях сопроводительное захоронение коня (Ераська и № 688), наличие полихрома в вещевом комплексе, богатство инвентаря (большое количество и разнообразие), отсутствие керамики), которые не позволяют соотносить эти погребения с местными погребальными традициями. Кроме того, обращает на себя внимание и не свойственная местному населению особенность – кольцевая деформация черепа, зафиксированная на черепках из Тугозвоново и погребения № 688 могильника Сопка 2, – во всех случаях наличия антропологического материала хорошей сохранности.

Публикация (спасибо С.В. Алкину за возможность ознакомления с китайскими материалами) по комплексу Боба не позволяет даже на предположительном уровне выдвинуть гипотезу о принадлежности этих погребений представителям местной элиты или пришельцам.

Редкость и изолированность подобных комплексов, отсутствие отдельных некрополей также являются отличительной чертой гуннских захоронений. Эта особенность позволяет предположить, что погребения принадлежали людям, имевшим особый, очень высокий статус и относящимся даже не к элите местного общества, а к элите общества, занимающего вышестоящее, управляющее положение по отношению к местному. Можно предположить, что это послы-координаторы, представители управляющей элиты гуннского общества, объединившего в своем составе многие территории, в том числе и лесостепного Алтая, Новосибирского и Томского Приобья.

Вероятнее всего, именно они были призваны ориентировать находящиеся под их влиянием социокультурные образования на достижение общих для всего гуннского объединения целей, а само понятие «гунн» обозначало не представителя конкретной этнокультурной группы, а именно представителя, призванного координировать усилия различных этнокультурных образований в составе огромного гуннского объединения. Отсюда и возникают непреодолимые до сих пор трудности в этнической, культурной, языковой и территориальной идентификации гуннов.

Понимая, насколько подвержены критике подобные гипотезы, позволю себе их опубликовать, надеясь, что это даст повод развитию познавательной активности, способствующей решению вопросов социальной реконструкции обществ в интереснейший период истории – период великого переселения народов, заложивший основы многих этнических групп современности.

Несмотря на огромную вариативность погребального обряда, что было отмечено выше, можно выделить и признаки, объединяющие все рассматриваемые погребения, присущие лишь этой группе погребальных памятников и выделяющие их из общей массы памятников конкретных территорий.

Это одиночные погребения или маленькие кладбища из 2–4 могил, наличие изделий полихромного

стиля и обычай искусственной деформации черепов. Вероятнее всего, именно эти элементы погребальной обрядности как несвойственные местному населению регионов маркируют погребения «избранных». Кроме того, наличие изделий полихромного стиля гуннского типа в ряде других погребений с абсолютно местным погребальным обрядом позволяет нам отнести 10 рассматриваемых погребений к гуннско-европейскому кругу памятников и, учитывая наиболее восточные их координаты, определить восточные границы влияния европейской мультикультуры, наметив на Евразийском континенте границы двух крупнейших культурно-исторических провинций – европейской и азиатской. Наиболее восточной точкой находок изделий полихромного стиля гуннского типа можно считать координату порядка 89° в.д. (Аржан-Бугузун), зона контакта между европейской и азиатской мультикультурами, маркирующая преимущественное направление культурно-исторических связей, протекает преимущественно в районе между 80 и 90° в.д. (рис. 2).

Более конкретную этнокультурную привязку азиатских гуннов находим в работе С.Г. Боталова. По его мнению, это хиониты и эфталиты, а в последующем – эфталиты [11. С. 59–60]. Еще более точную археологическую привязку части азиатских гуннов, мигрировавших на территорию лесостепного Алтая, называют А.А. Тишкин и В.В. Горбунов. Они считают, что мы имеем дело с носителями кенкольской археологической культуры [17. С. 72]. В.В. Горбунов в своей последующей работе уточняет культурные новации, привнесенные кенкольским компонентом [18. С. 94]. Этому не противоречат и антропологические определения, сделанные по черепам из Тугозвоново и Сопки 2 (№ 688).

На это же направление указывают и аналогии фибулы из Ивановки-6. Помимо приведенных в статье А.П. Бородавского аналогий из Актасты, Борового, Кетмень-Тюбе [19. С. 284], мы находим аналогии в Кызылкайнар тобе и Актобе [11. С. 77].

Очень интересно, что, по мнению С.Г. Боталова, этот регион позиционируется как территория раннетюркского культурогенеза [Там же. С. 61, 64]. Именно это обстоятельство послужило крайне интересному явлению: азиатские гунны, будучи сами в культурном отношении немного тюрками (пратюрками? прототюрками? предтюрками?), подготовили благоприятную почву для последующей тюркизации региона, о чем автором уже писалось ранее [20; 21. С. 130–136]. В дальнейшем подобное развитие событий было поддержано С.Г. Боталовым и В.С. Мосиным [22. С. 33–36].

Со временем позиция автора немного изменилась: стала более обширной, а следовательно, и более доказательной источниковая база, указывающая на доминирующий характер именно западногуннского (юго-западного) влияния на трансформацию фоминского этапа кулайской культуры в единцовскую культуру, преобладание западного (юго-западного) направления связей в позднекулайскофоминский период [23]. Эта база более

проработана и более осмысленна. Признавая возможность связи гуннского культурогенеза с южными хунну автор уже не так категоричен в этом вопросе, считая, что наличие подобной связи требует более высокого уровня доказательств, чем гипотеза. Сам процесс пост-гуннского влияния более обширен, чем представлялся ранее, и если для достаточно локальной территории, каковой является Барнаульско-Бийское Приобье, его последствия более или менее известны, то к чему привели контакты аборигенного населения других регионов с представителями азиатских гуннов, пока трудно

сказать. Стало более ясным направление культурных связей и регион, с которым он связан. Наметились два суперрегиона культурного влияния – европейский и азиатский, или западный и восточный, границы которых не совпадают с географическими границами Европы и Азии и, кроме того, со временем изменяются в пространстве. Кроме того, проведенное исследование позволило более конкретно разграничить две зоны влияния гуннов – гуннов европейских и гуннов азиатских, чья культура и история очень тесно взаимосвязаны.

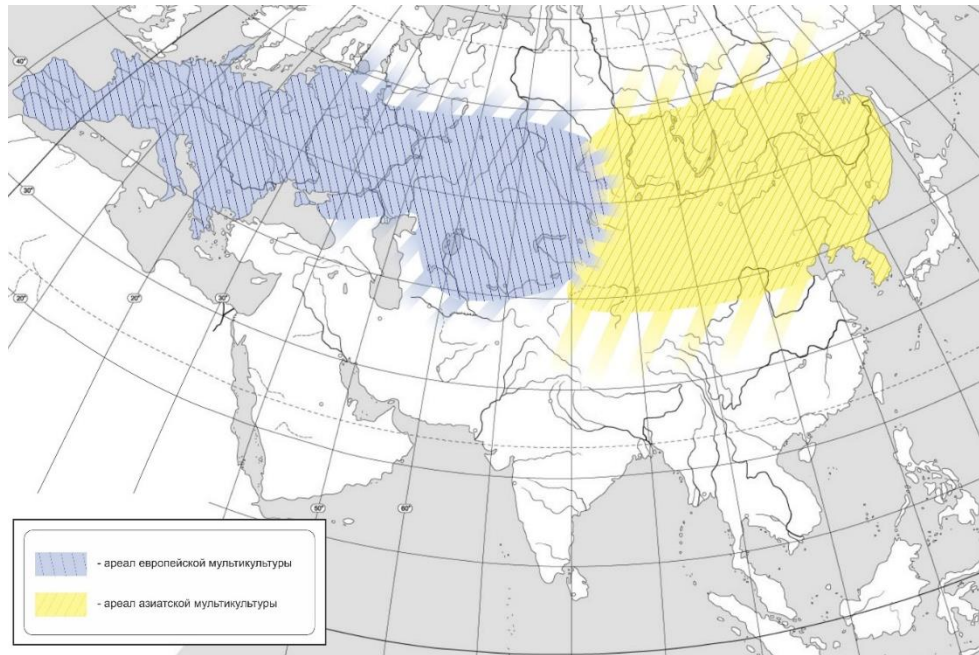

Рис. 2. Ареалы с преобладанием западных и восточных культурных связей во второй половине IV–V в.

Говоря о характере связей представителей управляющей верхушки общества азиатских гуннов, оставивших крайние восточные захоронения с полихромом, с населением конкретных территорий, необходимо отметить, что, будучи надолго оторванными от метрополии, они были вынуждены брать с собой пускай небольшие, но хорошо вооруженные и обученные отряды сопровождения, обеспечивающие их безопасность. Стремясь к более полному «вхождению» в культурную среду населения, которым необходимо управлять, пришельцы, пользуясь огромным, непрекращаемым авторитетом, вынуждены были перенимать как вещевой комплекс аборигенного населения, так и некоторые элементы нематериальной культуры, например погребальной обрядности, оставляя нетронутой те ее стороны, которые подчеркивали их статусное положение.

Высокий социальный статус пришельцев способствовал тому, что многие элементы материальной культуры перенимались у них местным населением. Так, для территории лесостепного Алтая можно говорить, что именно благодаря контактам гуннов с представителями местного населения были запущены культурогенетические процессы, приведшие к трансформации фоминского этапа кулайской культуры в одинцовскую

культуру с выделением переходного этапа – сошниковского. Обряд кремации был замещен обрядом ингумации, широкое распространение получил обычай искусственной деформации черепа, который ранее на этой территории не фиксируется, появляется, вероятнее всего, привнесенный пришельцами предтюрокский (или раннетюрокский? «первой миграционной волны»?) компонент – обряд сопроводительного захоронения коня.

Не абсолютизируя гуннского влияния, признавая участие и других культурных компонентов в формировании одинцовской культуры, можно говорить, что именно юго-западногуннский компонент являлся доминирующим.

В целом культурно-исторический облик региона изменился несильно. Мы не наблюдаем резкой смены культуруобразующих признаков, которые на этой территории развивались эволюционным путем на протяжении всего первого тысячелетия и даже начала второго, о чем красноречиво свидетельствует непрерывное эволюционное развитие керамического комплекса от кулайско-фоминского к одинцовскому и далее к басандайско-сросткинскому, и погребальных традиций. Однако гуннское влияние в дальнейшем повлекло за собой и радикальные изменения культурного облика

региона, связанного с его последующей тюркизацией, что значительно стимулировало процессы культурогенеза сросткинской культуры на территории лесостепного Алтая.

Уже сейчас на имеющемся материале можно предположить путь миграции представителей азиатских гуннов на территорию лесостепного Алтая. Этот миграционный коридор маркируют такие памятники, как курганный могильник Усть-Пустынка, где исследовано погребение человека с кольцевой деформацией черепа [24], находка гуннского котла на Поликарповой гриве близ с. Черная Курья Мамонтовского района [25], погребение на р. Чарыш близ с. Тугозвново [6], погребение

на р. Ераська около Барнаула [26, 27], комплекс погребений на разных памятниках Ближние Елбаны, где встречены погребения с кольцевой деформацией черепа [28].

Таким образом, прослеживается миграционный коридор, проходящий по долинам рек Чарыш, Барнаулка и Касмала. Вероятнее всего, это направление представляется азиатскими гуннов было выбрано неслучайно, оно проходило по знакомой им экологической нише степей-лесостепей, вдоль крупных водных артерий – рек Чарыш, Барнаулка и Касмала (рис. 3). В дальнейшем распространение культурного влияния этой группы населения происходило по долине р. Оби как в северном, так и в южном направлении.

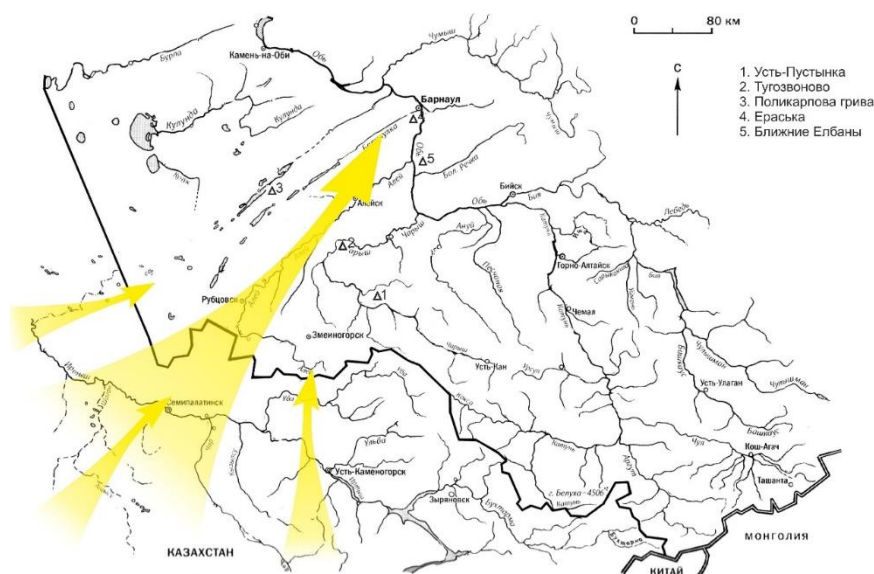

Рис. 3. Направление и маршрут миграции азиатских гуннов в эпоху великого переселения народов

Абстрагируясь от конкретных исторических процессов в конкретных регионах, можно определиться с контактной зоной, восточной границей распространения европейской ментальности, преобладающих культурных связей, заимствованные элементы которых влияют на культурогенетические процессы двух огромных суперрегионов. Эту границу маркируют рассматриваемые нами памятники. Не отвергая возможности находок полихромного стиля гуннского типа в более восточных областях, на сегодняшний день накопленный фонд археологических источников позволяет провести границу западного влияния именно по предложенному варианту.

Мы видим две крупнейших культурно-исторических провинции – европейскую и азиатскую, и можем провести зону их контакта в эпоху великого переселения народов. Восточнее мы наблюдаем зону культурных доминант, имеющих свои корни в культуре северных и южных хунну. Подобное разграничение надолго определило культурное своеобразие двух огромных регионов Европы и Западной Сибири – Восточной Сибири и Дальнего Востока. Этот тезис подтверждается и другими археологическими маркерами, к которым можно отнести находки предметов «древнеримского импорта» [29].

Кроме этого в пользу предложенной гипотезы говорят и находка гуннского котла на Поликарповой гриве

у с. Черная Курья Мамонтовского района Алтайского края [25], и погребения с искусственной кольцевой деформацией черепа, связываемой исследователями со среднеазиатскими традициями (Тугозвново, Сопка 2, Усть-Пустынка, БЕ и т.д.) [30]. О юго-западных–западных направлениях связей свидетельствуют панцирные пластины с фигурным краем [31], кольчатые псалии и др. Каждая из вышеперечисленных категорий требует самостоятельного исследования.

Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что на материалах эпохи великого переселения народов прослеживается наличие двух крупных мультикультурных суперрегионов – Европейского и Азиатского, Европы и Азии как самостоятельных мультикультурных провинций, внутри которых и происходит подавляющее большинство культурных контактов, приводящих в действие механизмы культурогенеза, в результате которых образуются новые этнокультурные образования. Контакты запад–восток, Европа–Азия крайне затруднены, так как они не воспринимаются как «свои–свои», а воспринимаются как «свои–чужие». Это происходит на уровне ментального осознания целостной мультикультурной среды, внутри которой и происходят основные процессы культурного обмена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плетнева С.А. Введение // Археология СССР / Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 5–8.
2. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 255 с.
3. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 125 с.
4. Казаков А.А., Казакова О.М. О центрах культурогенеза на юге Западной Сибири в первом тысячелетии // Известия Алтайского государственного университета (исторические науки и археология). 2016. № 4 (92). С. 238–243.
5. Илюшин А.М. Верхнеобская этнокультурная общность (по материалам из Кузнецкой котловины) // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск : Том. гос. ун-т, 1993. С. 74–77.
6. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
7. Казаков А.А. О восточной границе распространения изделий полихромного стиля // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 1 (45). С. 83–92.
8. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа 5–7 вв. М. : Наука, 1989. 134 с.
9. Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников Южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // Советская археология. 1971. № 1. С. 53–71.
10. Крадин Н.Н., Кан Ин Ук. Современные исследования по археологии хунну в Евразии // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов : сб. науч. тр. / гл. ред. С.Г. Боталов, отв. ред. Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск : Изд. центр ЮурГУ, 2013. С. 11–30.
11. Боталов С.Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов : сб. науч. тр. / гл. ред. С. Г. Боталов, отв. ред. Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск : Изд. центр ЮурГУ, 2013. С. 31–87.
12. Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи : По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л. : Аврора, 1975. 80 с.
13. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец 4–5 вв.). СПб., 1994. 224 с.
14. Казаков М.М. Лекция 8: Возникновение христианства и его ранняя история. URL: <http://mmkaz.narod.ru/religions/index.htm>
15. Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. СПб. : Журнал «Нева» ; Летний Сад, 2000. 464 с.
16. Бажан И.А., Щукин М.Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазанне эпохи великого переселения народов // Археологический сборник / Б.Б. под ред. Пиотровского. Л. : Искусство, Ленингр. отд-ние, 1990. № 30. С. 83–96.
17. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Средневековые воины Алтая // Природа. 2002. № 9.
18. Горбунов В.В. Этнокультурная ситуация на территории лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии : сб. науч. тр. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 92–95.
19. Бородавский А.П. Древнее серебро в Сибири (обзор проблематики) // Древности Алтая : межвуз. сб. науч. тр. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 2003. № 11. С. 44–58.
20. Казаков А.А. Одиноцкая культура Барнаульско-Бийского Приобья : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Барнаул, 1996. 297 с.
21. Казаков А.А. Одиноцкая культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2014. 152 с.
22. Боталов С.Г., Мосин В.С. Урало-Сибирская лесостепь в древности и средневековье (к осмыслению праурто-самодийского единства) // Финно-Угрика. 2007. № 10. С. 10–72.
23. Ширинов Ю.В. Истоки орнаментального стиля фоминской торевтики // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии : сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Азбука, 2010. С. 165–169.
24. Алексин Ю.П., Гельмелю Ю.И. Курган гунно-сарматского времени у с. Усть-Пустынка Краснощековского района // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 94–95.
25. Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. Барнаул, 2016. 500 с.
26. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.
27. Казаков А.А. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 106–114.
28. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. –Л., 1956. № 48. 256 с.
29. Бородавский А.П. К вопросу о позднеримском «импорте» и его репликах на территории Верхней Оби // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 134–139.
30. Тур С.С. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул : Изд-во АГУ, 1996. С. 237–249.
31. Кубарев Г.В. Защитный доспех с фигурными пластинами (происхождение, распространение и конструктивные особенности) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск : Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 103–120.

Kazakov Alexander A. Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russia)

ON THE BORDER OF CIVILIZATION-MENTALITY ZONES IN GREAT MIGRATION PERIOD BY ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Keywords: Huns; habitat; Early Middle Ages; cultural genesis; Europe; Asia.

This article is aimed at identifying the eastern border of polychrome style objects that have been culture indicators demarcating the influence area of the Hunnic cultures after receiving new materials from 9 burial complexes in the Western Siberia and Northern China during recent 50 years (Tugozvonovo, Eras'ka, Sopka 2 (tomb № 688), Ivanovka 6, Timeryazevskii kurgan burial 1, Krokhalievka 23, Krokhalievka 16, Arzhan-Buguzun, Boma). Analysis of burial-memorial complexes, containing polychrome style objects, helped to identify both the burials of cultures from other regions, that is belonging to the Huns and the burials representing local cultural traditions. The Hunnic burial-memorial complexes belonging to a different culture were a source of cultural innovations and transformations, which in their turn led to a change in the culture of the vast region. The distinctive features of those burial-memorial complexes, different from local burial grounds, are the following: large depths of the ground grave pits, ring deformation of the skulls, a number of polychrome style objects, and single graves. Polychrome style objects marking the eastern border of their distribution are similar in their stylistic peculiarities. Identification of geographical coordinates of the burial-memorial complexes with polychrome style objects, led to draw the eastern boundary of their distribution, which is in the area between 80 and 90 degrees East longitude. The most easterly is burial-memorial complex Arzhan-Buguzun, located at 89 degrees East longitude. The eastern border of the polychrome style objects distribution has made it possible to put forward a hypothesis about the inclusion of the Western Siberia archaeological cultures in the early Middle Ages in the range of cultures belonging to the Hunnic cultural unity characterized by prevailingly West direction of cultural contacts, and draw a border with the cultures of predominantly eastern direction of cultural ties. It leads to dividing the Eurasian continent into two largest multicultural super-regions - Europe and Asia, and it must be noted that their geographical boundaries do not coincide with the cultural boundaries, which are constantly

changing in space over time. Such inclusion of huge territories (of Western Siberia) in global historical processes of the Great Migration Period allows to take a fresh look at the early Middle Ages period of the region, the history of which is closely connected with the turbulent historical events of that most interesting period of the world history, when the basis for most modern ethnicities was laid.

REFERENCES

1. Pletneva, S.A. (1981) *Vvedenie. Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Introduction. Archeology of the USSR. Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow: Nauka.
2. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Troitskaya, T.N. (1979) *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [Kulay culture in Novosibirsk Ob Oblast]. Novosibirsk: Nauka.
4. Kazakov, A.A. & Kazakova, O.M. (2016) On Centers of Culture Genesis in the South of Western Siberia in the First Millenium A.D. *Izvestiya Altayskogo Gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4(92). pp. 238–243. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2016)4-40
5. Ilyushin, A.M. (1993) Verkhneobskaya etnokul'turnaya obshchnost' (po materialam iz Kuznetskoy kotloviny) [Verkhneobskaya ethnocultural community (a case study of the Kuznetsk basin)]. In: Pletneva, L.M. (ed.) *Kul'turogeneticheskie protsessy v Zapadnoy Sibiri*. Tomsk: Tomsk State University. p. 74–77.
6. Umanskiy, A.P. (1978) Pogrebenie epokhi “velikogo pereseleniya narodov” na Charyshe [Burial referring to the “Great Migration of Peoples” in Charysh]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient Cultures of Altai and West Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 129–163.
7. Kazakov, A.A. (2017) On Eastern border of polichrome style objects spreading. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(45) Tomsk: Tomsk State university. pp. 83 — 92. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/45/13
8. Ambroz, A.K. (1989) *Khronologiya drevnosti Severnogo Kavkaza 5 — 7 vv* [Chronology of the Antiquity of the North Caucasus, the 5th – 7th centuries]. Moscow: Nauka.
9. Zasetskaya, I.P. (1971) O khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti pamyatnikov Yuzhnorusskikh stepey i Kazakhstana gunnskey epokhi (postanovka voprosa) [On the chronology and cultural affiliation of monuments of the South Russian steppes and Kazakhstan of the Hunnic era (on the question)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 53–71.
10. Kradin, N.N. & Kan, In Uk. (2013) Sovremennye issledovaniya po arkheologii khunnu v Evrazii [Modern research on the archeology of the Hun in Eurasia]. In: Botalov, S.G. (ed.) *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov* [The Hun Forum. Problems of origin and identification of the culture of the Eurasian Huns: Collection of scientific treatises]. Chelyabinsk: South Urals State University. pp. 11–30.
11. Botalov, S.G. (2013) O gunnakh evropeyskikh i gunnakh aziatskikh [About the European and Asian Huns]. In: Botalov, S.G. (ed.) *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov* [The Hun Forum. Problems of origin and identification of the culture of the Eurasian Huns: Collection of scientific treatises]. Chelyabinsk: South Urals State University. pp. 31–87.
12. Zasetskaya, I.P. (1975) *Zoloty ukrasheniya gunnskey epokhi. Po materialam Osoboy kladovoy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Gold jewelry of the Hunnic era. On the materials from the Hermitage's Special Pantry]. Leningrad: Avropa.
13. Zasetskaya, I.P. (1994) *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets 4–5 vv.)* [Culture of nomads of the South Russian steppes in the Hunnic era (the late 4th – 5th centuries)]. St. Petersburg: Ellipse LTD.
14. Kazakov, M.M. (n.d.) *Lektsiya 8. Vozniknovenie khristianstva i ego ramnaya istoriya* [Lecture 8. Chritianity and its early history]. [Online] Available from: <http://mmkaz.narod.ru/religions/index.htm>.
15. Korostovtsev, M.A. (2000) *Religiya Drevnego Egipta* [Religion of Ancient Egypt]. St. Petersburg: Neva, Letii Sad.
16. Bazhan, I.A. & Shchukin, M.B. (1990) K voprosu o vozniknovenii polikhromnogo stilya kluzanne epokhi velikogo pereseleniya narodov [On the emergence of the polychromic style of the cloisan during the Great Migration of Peoples]. In: Piotrovskiy, B.B. (ed.) *Arkheologicheskiy sbornik* [Archaeological Collection]. Leningrad: Iskusstvo. pp. 83–96.
17. Tishkin, A.A. & Gorbunov, V.V. (2002) *Srednevekovye voyny Altaya* [Medieval warriors of Altai]. *Priroda*. 9.
18. Gorbunov, V.V. (2004) Etnokul'turnaya situatsiya na territorii lesostepnogo Altaya v epokhu “velikogo pereseleniya narodov” [Ethnocultural situation in the territory of the forest-steppe Altai in the era of the “Great Migration of Peoples”]. In: Kiyushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds.) *Kompleksnye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii* [Comprehensive studies of ancient and traditional societies of Eurasia]. Barnaul: Altai State University. pp. 92–95.
19. Borodovskiy, A.P. (2003) Drevnee srebro v Sibiri (obzor problematiki) [Ancient silver in Siberia (a review of the problematics)]. *Drevnosti Altaya*. 11. pp. 44–58.
20. Kazakov, A.A. (1996) *Odintsovskaya kul'tura Barnaul'sko-Biyskogo Priob'ya* [The Odintsovo culture of the Barnaul-Biysk Ob area]. Archeology Cand. Diss. Thesis. Barnaul.
21. Kazakov, A.A. (2014) *Odintsovskaya kul'tura Barnaul'sko-Biyskogo Priob'ya* [The Odintsovo culture of the Barnaul-Biysk Ob area]. Archeology Cand. Diss. Thesis. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
22. Botalov, S.G. & Mosin, V.S. (2007) Uralo-Sibirskaya lesostep' v drevnosti i srednevekov'e (k osmysleniyu praugro-samodiyskogo edinstva) [Ural-Siberian forest-steppe in Old and Middle Ages (on the Praugro-Samoyedic unity)]. *Finno-Ugrika – Fenno Ugrica*. 10. pp. 10–72.
23. Shirin, Yu.V. (2010) Istoki ornamental'nogo stilya fominskoy toreviki [The origins of the ornamental style of Fominsk torevitics]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Torevika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii* [Torevitics in ancient and medieval cultures of Eurasia]. Barnaul: Azbuka. pp. 165–169.
24. Alekhin, Yu.P. & Gelmel, Yu.I. (1991) Kurgan gunno-sarmatskogo vremeni u s. Ust'-Pustynka Krasnoshchekovskogo rayona [Mound of the Hunno-Sarmatian time near Ust'-Pustynka Krasnoshchekovskiy district]. In: Kiyushin, Yu.F. (ed.) *Okhrana i issledovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya* [Protection and research of archaeological monuments of Altai]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 94–95.
25. Ivanov, G.E. (2016) *Altayskaya derevnya na perekrestkakh istorii: letopis' Mamontovskogo rayona* [Altai village at the crossroads of history: the chronicle of Mamontovsky district]. Barnaul: AZBUKA.
26. Egorov, Ya.V. (1993) Novoe issledovanie pogrebeniya voyna epokhi velikogo pereseleniya narodov na Altae [A new study of the war burial referring to The Great Migration of Peoples in the Altai]. In: Kiyushin, Yu.F. (ed.) *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri* [Culture of the Ancient Peoples of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 77–80.
27. Kazakov, A.A. (2016) Polychrome style objects from the burial site on the Eras'ka river. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 106–114. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/15
28. Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [The history of the ancient tribes of the Upper Ob River in excavations near Bolshaya Rechka]. Moscow; Leningrad: Nauka.
29. Borodovskiy, A.P. (2016) On the Late Roman “Import” and Its Replicas on the Territory of the Upper Ob Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42). Pp. 134–139. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/24
30. Tur, S.S. (1996) K voprosu o proiskhozhdenii i funktsiyakh obychaya kol'tsevoy deformatsii golovy [On the origin and functions of the custom of ring head deformation]. In: Kiyushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Sibiri*. Barnaul: Altai State University. pp. 237–249.
31. Kubarev, G.V. (2007) Zashchitnyy dospek s figurnymi plastinami (proiskhozhdenie, rasprostranenie i konstruktivnye osobennosti) [Protective armor with figured plates (origin, distribution and design features)]. *Altai-Sayanskaya gornaya strana i sosednie territorii v drevnosti* [Altai-Sayan highland and neighboring territories in the Old Times]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 103–120.